

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

В.М. ГРИГОРЬЕВ

(Москва)

ЭТНОПЕДАГОГИКА ИГРЫ

Воспитание и развитие человека — одна из важнейших и обширнейших сфер культуры каждого народа. Поэтому этнопедагогика, занимающаяся историей и теорией традиционного народно-национального воспитания¹, по мере своего развития все более дифференцируется. В качестве отдельных ее отраслей исследователи выделяют этнопедагогiku семьи, игры, труда, физического воспитания и т.д.

Представляется, что изучение этнопедагогики целесообразнее всего начинать с этнопедагогики игры. И в филогенезе, и в онтогенезе игра выступает как одно из первичных средств воспитания и развития, а затем сопровождает человека на всем протяжении его жизненного пути. Будучи по самой своей сущности своеобразной моделью важных для развития человека сторон жизни, игра может служить незаменимым (естественным) источником для изучения именно этих наиболее актуальных для общества и науки сторон действительности. Наконец, сама по себе игра сегодня стала одной из актуальнейших проблем для человечества, и потому важно обратиться к истокам, истории развития, традициям игровой культуры народов.

Разумеется, нельзя утверждать, что все уже выяснено в этнопедагогике игры, лишь недавно начавшей формироваться в самостоятельную отрасль науки². Но полезно познакомиться уже и с первыми ее результатами, корректирующими или развивающими некоторые прежние представления.

Прочность широко распространенного предрассудка получило представление, что развитие образования и воспитания происходит непременно за счет нововведений, новаторства. При этом часто

упускается из виду, что в развитии всей педагогической сферы свою незаменимую роль играют также традиции. Традиция — это не просто консервация какого-либо явления, а поддержание его устойчивого существования и развития, но только развития не скачкообразного, а постепенного, эволюционного и, тем самым, наиболее надежного, перспективного.

Целесообразно искать возможности разумного соединения всего самого достойного из мира традиций с оправдывающими себя нововведениями, в том числе и в области игровых форм. Богатейшим арсеналом педагогических традиций обладает народная педагогика, которая понимается в данном случае широко: не только как традиционная для народа практика воспитания, но и как закрепление ее результатов в народных заповедях, образах фольклора, прикладного искусства, других формах отражения и преобразования действительности.

В народной педагогике за тысячелетия скопился громадный опыт. Его значение стремительно возрастает в нашу эпоху, которая характеризуется стремлением народов к возрождению и развитию традиционных основ своих национальных систем воспитания. Соответственно растут запросы на теоретическую разработку народно-педагогических систем. Назревшей необходимостью является концептуально-теоретическое оформление той части народной педагогики, которая посвящена игровым средствам воспитания и развития человека и потому названа нами народно-педагогикой игры.

Превращение игры в целенаправленное средство воспитания стало одним из первых педагогических достижений человечества. Это отражено, например, в гениальных по простоте и органичности младенческих играх — пестушках, потешках («Потягунюшки», «Ладушки», «Коза рогатая» и др.), забавах ребенка с первыми игрушками. Лишь в народной педагогике находим достаточно ясные и мудрые позиции в отношении игр подростково-молодежного межполового общения (от посиделочных игр знакомства до завершающей свадебной игры) или незаменимой роли дедушек и ба-

бушек в формировании естественной игровой среды. Дело не только в существенном дополнении средствами народной педагогики арсенала средств официальной педагогики. Речь идет и о самой направленности педагогического процесса на достаточно полное и гармоничное развитие личности, невозможное без взаимодействия и преемственности поколений.

Однако катастрофически возрастают утрата преемственных связей, рознь и противостояние поколений. Что касается игры, то выросли целые поколения воспитателей — педагогов и родителей, не способных приобщить детей к традиционным народным играм, которых они и сами-то почти не знают. Но ведь это корень, без которого не может естественно развиваться все вековое древо игровой культуры.

Между тем человечество входит едва ли не в пик беспредельно широкого использования игры. Не говоря уже о размахе игрового бизнеса, компьютерных и телевизионных играх, индустрии массового досуга и т.п., игра распространилась и в таких до этого сугубо серьезных сферах, как политика и государственное управление. Показательна популярность идеи Й. Хейзинги о 'Homo ludens' — «человеке играющем»³. Игра осознана как неотъемлемый компонент развития человеческой культуры.

Если тем не менее еще не создано приемлемой общей теории игры, то можно увидеть причину и в том, что нынешняя цивилизация в погоне за обилием возможностей использования игры утратила целостное восприятие этого феномена, четкое понимание его интегрирующей функции. Не является ли — с гуманистических позиций — такой функцией игры ее роль в воспитании и развитии личности? Это требует специального научного осмысления.

На воспитательном и развивающем значении игры настаивали признанные мыслители разных эпох и народов (Платон, Ф. Рабле, Дж. Локк, И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер, Л.Н. Толстой, В. Вундт, Г. Спенсер, Г.В. Плеханов, З. Фрейд, Дж. Дьюи и др.), не говоря уже о профессиональных педагогах (Я.-А. Коменский, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский, Н.К. Крупская, С.Т. Шацкий, Я. Корчак, В.А. Сухомлинский и др.). Подчеркнем, что здесь приведены имена лишь тех, кто рассматривал игру широко, включая традиционные народные игры, и как раз по этим игровым формам преимущественно определял сущность игры в целом.

Подлинными закономерностями развития народной педагогики игры проявляются в той сфере культуры, где она функционирует достаточно самостоятельно и органично. Это прежде всего сфера субкульту-

ры детства (М. Мид, И.С. Кон, В.С. Мухина и др.). Отечественной наукой эта сфера как нечто самостоятельное изучалась уже в начале XX в. и именно с ее фольклорно-игровой стороны, как наиболее характерной и определяющей развитие личности ребенка (Г.С. Виноградов, О.И. Капица, В.Г. Марц, Н.О. Массалитинова, С.Т. Шацкий и др.).

Игровой компонент детской субкультуры, или «мира детства», сохранил до настоящего времени органичную цельность и относительную самостоятельность развития. С этим постоянно сталкиваются педагоги и работники культуры, пытающиеся практически преобразовать не всегда красивый и разумный, но всегда упорно «живучий» характер игр во дворах, подъездах и других традиционных местах преобладания стихийной игровой деятельности детей и особенно подростков, молодежи. Об этом же свидетельствуют специально организованные исследования.

С 1987 г. проводятся ежегодные Виноградовские чтения с основной темой «Мир детства и традиционная культура». В итоге обнародованы десятки материалов, показывающих, что народная педагогика игры в современном мире детства живет и хранит свои традиции, хотя буквально на глазах видоизменяет многие формы, требуя принципиально новых методик исследования (В.В. Головин, Б.В. Горбунов, С.В. Григорьев, А.И. Лазарев, А.Н. Мартынова, М.Н. Мельников, М.Ю. Новицкая, М.В. Осорина, С.Б. Рождественская и др.)⁴. Ряд таких методик был разработан и нами, что позволило достичь более полной фиксации современных игровых явлений (до 2–3 тысяч в одном населенном пункте, до 500–800 в личном репертуаре одного школьника). Благодаря этому еще могут быть выявлены целостные системы функционирования игровой культуры, которые можно считать современными формами существования народной педагогики игры.

Проведена общая систематизация игровых явлений по их функциям в воспитании и развитии личности. Именно такой подход оказался наиболее всеобъемлющим, интегрирующим большинство предыдущих классификаций игр, включая построенные по критерию национальной самобытности. Это позволило приступить к составлению общего свода народных игр нашей страны, на базе созданного нами Совета по народной педагогике игры при Институте развития личности (ныне — Гос. НИИ семьи и воспитания) РАО и секции Народной педагогики игры Международного Общества друзей игры. Десятки работающих над ним специалистов, представляющих более 30 народов, объединены общим этнопедагогиче-

ческим подходом, сочетающим подход этнографический (при собирании игр, их паспортизации, сравнительно-историческом анализе и т.д.) с педагогическим (оценка, отбор и практическая проверка соответствия народных игровых средств современным требованиям к воспитанию и развитию личности). Созданы специальные игровые объединения молодежи и школьников, включившиеся в изучение, возрождение и развитие народной игровой культуры. Наглядным примером могут служить Клубы друзей игры, первым из которых автор данной статьи руководит с 1968 г. При такой продолжительности

опытно-экспериментальной работы непрерывно с одним коллективом стало возможным создать и лонгитюдно изучить смену и преемственность поколений носителей игровой культуры, закономерности и механизмы ее функционирования и развития на уровнях коллектива, личности и окружающей регионально-этнической среды.

Этнопедагогический подход дал возможность привлечь к собиранию и изучению игр учителей и школьников, решив, наконец, проблему массового и оперативного сбора материалов, непосильную для одних этнографов. Педагоги, в свою очередь, получают все более многообразный арсенал отобранных веками национально-самобытных игровых средств воспитания.

Составление свода игр вызвало интенсивную этнопедагогическую работу — экспедиции, массовые опросы и эксперименты по возрождению средств народной педагогики игры. Только руководимый нами коллектив совершил в 1970–1980-е годы более 20 экспедиций, помогая в составлении сводов национальных игр специалистам 12 республик. Общий свод игровых форм оказался значительно более полным, чем все известные до того, включив более 5 тысяч игр и — что особенно важно — народнопедагогических способов и приемов их использования, пока лишь частично отраженных в публикациях. Поразительным оказалось многообразие самобытных национально-региональных форм игровой культуры нашей страны и в то же время единство коренных основ национальных традиций народной педагогики игры.

Учитывая, что изучение народной педагогики игры шло и по многим другим ка-

...Комплексное исследование народной педагогики как целостного явления предполагает сочетание конкретных национально-региональных форм народной педагогики игры с разработкой общей концептуально-теоретической ее модели, выявлением общих закономерностей, механизмов и условий ее развития, что, в свою очередь, открывает путь к решению основной проблемы — установлению путей оптимального взаимодействия народной педагогики игры с современным воспитанием и развитием личности.

воспитанием и развитием личности, что и определило направление нашего этнопедагогического исследования.

Оно было начато еще в середине 60-х годов, когда в связи с яркой вспышкой общественного сознания вновь пробудился интерес ко всей народной культуре, включая народные игры. И сразу же родилось острое беспокойство. Вот заголовки из периодической печати тех лет: «Куда уходят детские игры?» «Кто поможет игрушке?» «Забывшие игры»... Нам довелось участвовать в дискуссии: «Игра игре рознь» («Учительская газета», 14.08.69). Вопреки преобладавшему мнению, что «в жизни детей, особенно школьного возраста, игра занимает все меньше места» (Е.М. Минский и др.), мы приводили данные о том, что школьники играют «не меньше, но хуже». Снижается культура игры, но количество игровых форм нарастает и, возможно, приближается наиболее «игровой» период нашего века. Следовательно, иными должны стать пути и средства улучшения положения с игрой. Искать их надо, опираясь на науку, а точнее — на комплекс взаимодействующих наук.

Так, этнопедагогику можно представить (см. схему 1) как подсистему (в) двух систем: этнографии (А) и педагогики (Б). Сама этнопедагогика в качестве системы знаний имеет собственные подсистемы (микросистемы): этнопедагогику игры (г), труда, спорта, и т.д., но они образуются с участием других систем (макросистем) — наук, изучающих игру (Г), труд, спорт и т.д. (схема 2). Подобной же окажется схема взаимосвязей самих изучаемых объектов (схема 3): культуры игры (Г1), педа-

налам, стало возможным научно поставить вопрос о созревших предпосылках для ее комплексного исследования как целостного явления. Такой подход предполагает сочетание конкретных национально-региональных форм народной педагогики игры с разработкой общей концептуально-теоретической ее модели. Последнее позволяет выявлять общие закономерности, механизмы и условия развития народной педагогики игры, а это, в свою очередь, открывает путь к решению основной проблемы — установлению путей ее оптимального взаимодействия с современным

гогической культуры (Б1), этнической культуры (А1), для которых общей, совмещенной подсистемой (микросистемой) является народная педагогика игры (Г1).

Так как народная педагогика игры является подсистемой *народной (этнической) культуры*, следует определиться с понятием «народный», выявить систему его существенных признаков.

Среди них, во-первых, отметим *традиционность*, точнее — *продолжительность бытования*. Изучая традиционное, нельзя отбрасывать стадии вхождения в традицию новых, но уже накапливающих продолжительность бытования и укореняющихся явлений. Так, признание традиционности игры можно начинать с установления ее бытования на протяжении трех поколений («Мы играем, и деды наши так играли»).

Во-вторых, *распространенность* игры должна быть подтверждена ее бытованием как минимум в трех местностях. При этом повсеместная распространенность еще не гарантирует народности игры. Популярность может быть временной, вызванной капризом моды. А вот народная игра, даже на время полузабытая, способна вновь возродиться, если сохранит главный признак народности — соответствие характеру, духу избравшего ее в свое время народа.

Значит, важнее всего третье — доказать *характерность, типичность* игры для данного народа и реальное *признание* ее «своей, родной» игрой. Подобная информация заключается не просто в словесных высказываниях (хотя и они важны) авторитетных представителей разных слоев народа, разных поколений и местностей, но прежде всего в объективных фактах. Среди них наиболее показательно многообразие взаимосвязей игры (или другого явления народной педагогики игры) с национальной культурой, бытом, образом жизни народа, и, в частности, включение игры в традиционные праздники народного календаря, обряды, в песенное, изобразительное и другие виды творчества, в словарный фонд и фразеологию родного языка (как вошли бабки, бирюльки, кубарь, прятки, жмурки и т.п.), в другие сферы традиционно-бытовой культуры. Безусловно, здесь имеется в виду положительное, одобрительное отношение народа к игре, так как есть игры очень распространенные и часто всеми упоминаемые, но осуждаемые народным мнением (как, например, азартные картежные

игры). Подлинно народное определяется общенародным одобрительным отбором и устойчивой передачей из поколения в поколение.

Необходимо преодолеть стереотип отождествления народного с простонародным, исключения из «народа» представителей образованных слоев. Так, народным заветом стали слова А.С. Пушкина: «Не мешай русской удалой игре!» А с другой стороны, и в простонародной среде можно столкнуться с далеко не истинно народным, искажающим его собственную сущность, а еще чаще по-обыденному неопределенным, случайным, безликим. Вот почему наряду с народной выделяется житейская (обыденная) педагогика (Г.Н. Волков, Ю.П. Сокольников и др.)

Народность определяется сущностью явлений. Стремление и способность к установлению *лада* (гармонии, созвучия, «золотой середины»), меры, согласия, мира, дружбы) между любыми крайними противоположностями представляется нам наиболее существенным, закономерным для всего подлинно народного, включая народные игры и другие явления народной педагогики игры. В различных формулировках такой же подход многократно и настойчиво звучит у многих, занятых глубинным постижением народной культуры («Лад» — так назвал свою книгу о народной культуре В. Белов).

Конечно, и принцип лада нельзя абсолютизировать. Он сочетается с решительным неприятием, запретом (табу), отторжением того, что враждебно, губительно для самого существования народа. Известны нравственные, религиозные и другие табу. Есть они и в народной педагогике игры — например, запрет на «игры со смертью» («Тем не играют, от чего умирают»). Резко осуждалось в народе порнографическое оформление игр, жестокие забавы над животными и др. Завет жить в ладу, улаживать все свои внутренние противоречия должен быть для народа выше любых других принципов. Это диктуется «чувством самосохранения». Это же открывает путь к вершинам творческих достижений (недаром связанных с понятием гармонии).

Меру в соединении сугубо индивидуальных актов творчества с признанной *коллективностью* этого процесса в народе (Г.С. Виноградов, М.Н. Мельников и др.) позволяет, на наш взгляд, находить *естественная распределенность ролей* (позиций, степеней творческой активности) участников и ревнителей народного творчества: талантливых творцов, подвижников-распространителей, образцовых носителей, исполнителей, поддерживающих, сочувствующих (объективности ради следует

продолжить ряд: сомневающих, равнодушных, осуждающих, порочащих, явных противников народной педагогики игры, — т.е. градация может переходить в деградацию). Дальнейшее изучение многое уточнит, а возможно, изменит в этом ряду.

В общине все знали и отдавали должное наиболее авторитетным носителям народной педагогики игры. Еще и сейчас при опросах на селе многие опрашиваемые стесняются отвечать на вопросы об играх, обрядах, праздниках, отсылая к тем, кто «знает это лучше», кого здесь издавна считали заводилой, вожаком игр, признанным организатором праздничных обрядов, потех и т.д. Их мнения, оценки, советы служили выражением мнения всего «мира», им старались следовать остальные.

Не у всех и не всегда это получалось так, как у действительно убежденных, опытных и талантливых ревнителей народной педагогики игры. Рядовые носители часто не постигают ее традиционных норм и скатываются к педагогике житейской, обыденной. Но это вовсе не означает отрицания заповедей народной педагогики. Тяга к высоким идеалам остается, поэтому почитаются в народе те знатоки, кто имеет высокое право и талант выражать «мнение народное».

Все более ряды ревнителей народной педагогики игры пополняются профессиональными педагогами. Когда-то выдающимися исключениями были Я.-А. Коменский, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский. Теперь это становится доступным для многих, а задачи возрождения самобытности национальных культур буквально требуют опоры на традиционные средства народной педагогики игры. Уже немало ученых-педагогов занято этнопедагогическими проблемами, включая и область народной педагогики игры. Складывается принципиально новый подход, сочетающий народно-научно-педагогический опыт, помогающий расти последователям того и другого, если найдено согласие, лад между ними.

Важное свойство народной педагогики игры — *национальная самобытность* (у каждого из народов). Ее целесообразно рассматривать вместе с другим неотъемлемым свойством народной культуры — ее *общечеловеческой основой*. Ныне общепризнанное, это сочетание в области народных игр и народной педагогики игры обнаружено явственно еще в ходе работы над сводом «Игры народов СССР» в конце 70-х — начале 80-х годов. Отразить самобытность национальных игр того или иного народа удалось прежде всего тем авторам, кто обратил внимание на такое их корен-

ное свойство, как *природосообразность*, в сочетании с их культуро- и человеко-сообразностью, выделением интегративных *регионально-этнических* особенностей.

Недостаточно изучены *этно-конфессиональные* особенности культур. Между тем, заметна разница влияний со стороны отдельных религий: христианства, мусульманства, буддизма и т.д.

Во многих традиционных народных играх и игровых обрядах, праздниках сохранились яркие следы язычества или других форм сакрального. Видимо, следует в силу этого говорить не только о *конфессиональном*, но и *сакральном*, *сакрально-конфессиональном* в народной педагогике игры. Элементы древних магических обрядов обнаруживаются в таких играх, как русские «Золотые ворота», «Горелки», «Ящур» («Яша»), «Каравай», «Малечина-калечина»; бурятские жмурки «Хохор хамга-шаалга»; удмуртская «Поляна-жердь»; «медвежьи» игры севера Западной Сибири и др.

Выявлены и другие специфические черты народной педагогики игры, например, роль *вариативности* народных игр. Но подчеркнем наиболее актуальное: долгое время официальная педагогика явно недостаточно уделяла внимания национально-самобытному, вопреки заветам народной педагогики и выдающихся профессиональных педагогов, что наиболее ярко выражено у К.Д. Ушинского, у таких национальных классиков педагогики, как Х. Абовян, И. Алтынсарин, М.-Ф. Ахундов, А.-К. Бакиханов, Д. Банзаров, К. Биезбардис, Ч. Валиханов, М. Гафури, М. Налбандян, К. Насыри, Токтогул, Г. Тукай, И.Я. Яковлев и др.

Проблема встает снова и снова при обострении межнациональных отношений. В последнее время авторы едва ли не каждого крупного этнопедагогического исследования вынуждены подчеркивать: нет «плохих» и «хороших» по своему национальному характеру народов, и шире — нет «отсталых», «примитивных» национальных культур, цивилизаций (Г.Н. Волков, А.Э. Измайлов, Б.А. Кадыров, В.И. Прокопенко и др.). Прочному утверждению такого подхода препятствуют чрезмерно политизированные позиции сторонников различных националистических и шовинистических движений, которыми народные игры и праздники нередко также используются как средство противопоставления одних народов другим. Это противоречит природе игры. Большинство народных игр очень «гостеприимны» — охотно принимают в число участников людей разных национальностей. Игра объединяет их, а попут-

но знакомит с национальным своеобразием создавшего игру народа.

Итак, многие признаки народности явлений народной педагогики игры свидетельствуют одновременно и об их воспитательных и развивающих возможностях. Однако достаточно полное представление о таких возможностях дает лишь специальный анализ *средств народной педагогики игры*, причем не только их *содержательной основы* (игры, игрушки, правила игр и т.д.), но также *способов организации* и *направленности* этих средств.

Для народных способов организации игр типичен самостоятельный, самодеятельный характер. Но самостоятельность к детям приходит не сразу. Младенец в люльке совершенно не самостоятелен. До вполне самостоятельной организации игр ему требуется пройти множество «ступеней» (уровней) развития. Посредником между обществом и развивающейся личностью сначала выступает семья. Но требуется посредник между самой семьей (или родом) и обществом в целом. Таким посредником издревле служила община («мир» и другие самоназвания)⁵.

Хотя роль общины и особенно семьи в народном воспитании общепризнана, но обычно они рассматриваются порознь. Мы же изучили именно взаимодействие этих двух факторов в его вариативности на разных этапах развития по возрастам. Обнаружена характерная для народной педагогики игры гармонизация (лад) соотношений руководства старших и самостоятельности играющих, что обеспечивает сотрудничество, а часто и дружбу поколений при организации игр.

Благодаря взаимодействию всех поколений создана та единая, непрерывная череда возрастных ступеней (уровней, этапов) освоения празднично-игровой культуры, по которой ребенок мог подниматься до полной взрослой самостоятельности, а затем совершать новую череду подъемов — уже ведя с собой детей, потом и внуков. Поражает детальность и полнота разработки воспитательных ролей: не абстрактное «родители и общественность», а предельно конкретные роли (скажем, отца «сам-третей» или «сам-пят», брата родного, двоюродного и т.д., деда, прадеда, дяди, крестного отца, свойственника, соседа, земляка, кума, побратима и т.д.). Ролей десятки, и каждая не забывалась, так как были четко определены ее вполне конкретные функции.

Непрерывность циклов воспроизведения жизни и культуры обеспечивает для них самих вечность, а для каждого человека возможность пройти путь от воспитанни-

ка до воспитателя, т.е. сформировать свою индивидуальную личность до уровня ее положительного «вклада»-персонификации (А.В. Петровский) в следующих поколениях людей.

Наличие осознаваемых целей, *целенаправленность* — главное, что отличает народную педагогику игры от стихийно складывающейся житейской педагогики и сближает с педагогикой научной. Цель — счастливая судьба, по народным представлениям, всегда связанная со счастьем близких: родителей, родственников, друзей, односельчан и т.д. В идеальных образах это расширяется до всего народа, человечества, благодарных потомков. Наряду с излюбленными у каждого народа идеальными образами героев и святых, складывались — с учетом условий и возможностей своего времени, места, обстоятельств — практически достижимые и всегда многоликие, вариативные образы добрых молодцов, красных девиц, настоящих джигитов и т.д. Обобщенно — это образ *настоящего (хорошего, доброго) человека*.

Отобранные, хранятся, доносятся до молодых через механизмы традиций и привычек, заповедей и правил лучшие образцы и самих поступков, ведущих к избранной цели. Их полная программа в народной педагогике игры не записана, но имеется и даже оказывается устойчивее столько уж раз менявшихся программ официальной педагогики. Убеждает в этом, к примеру, наш опыт составления программ для школьных игротек. Практика показала несостоятельность тех программ, где игры были расписаны по дням и часам занятий. Это противоречит необходимой для игры свободе выбора. Выход подсказал опыт народного «программирования», не употребляющий, правда, такого термина. Каждый народ имеет свою выверенную веками программу воспитательно-развивающего использования игр, складывающуюся из четких циклов — по периодам народного календаря (игры святочные, масленичные и т.д.) и этапам жизненного пути.

Главными при изучении народной педагогики игры являются ее современное состояние и возможности использовать ее в воспитании именно сейчас. С этих позиций изучалась игровая культура — сначала в своей местности, потом при сопоставлении многих местностей, наконец, целых народов, когда мы выступили с инициативой и организовали составление свода «Игры народов СССР», охватившего все 35 союзных и автономных республик бывшего Союза⁶. С выходом в свет первых изданий материалов свода возможности сопостав-

ления состояний и тенденций развития игровых культур возрастают⁷.

Каков же все-таки ответ на сложившиеся в обществе тревожные вопросы: «Куда уходят детские игры? Почему забыты Лапта и Бабки?» и т.п. Действительно ли в жизни современных детей и молодежи «все меньше игр»? После 30 лет исследований многих специалистов картина становится более полной, хотя и не менее противоречивой.

Игр бытует в среде детей и подростков множество — на один-два порядка больше, чем принято считать: в течение года в одной и той же местности тысячи, а не сотни или, тем более, десятки. Взрослые обычно не замечают многих игр, проводимых детьми самостоятельно, а ведь таковых около 75%. Но, оставленные без внимания и заботы взрослых, многие игры вовсе уходят из жизни, другие чрезмерно упрощаются детьми, вульгаризируются. Таковы, например, остатки хороводных и посиделочных игр, заботливо лелеемых когда-то всей общиной.

Появляется все больше новых игр, рожденных современными технологиями и техникой: бесчисленные компьютерные игры, игровые автоматы, телевизионные игры со зрителем, деловые игры, новые типы игрушек и т.д. В итоге *игр становится больше*, а не меньше, как того опасались многие наши оппоненты в 60—70-е гг. Но одновременно подтвердилась, к сожалению, и вторая сторона нашего тогдашнего предположения о тенденциях развития современных игр: «не меньше, но хуже».

Стремительно нарастающий поток технических возможностей для обновления игр оказался односторонне направленным — диктуемым не столько внутренними потребностями гармоничного развития человеческой личности, сколько интересами бизнеса и индустрии досуга. Их же главный интерес — превращение людей в потребителей навязываемой рекламой массовой культуры (масскультуры, кич-культуры). Насаждение низменных потребностей, извращенных вкусов, крайнего индивидуализма, нигилизма, насилия, секса, вседозволенности и т.д. характерно для многих телевизионных игр и зрелищ, игровых автоматов, модных игрушек и проч. Здоровое сопротивление противоестественному заглушается мощным напором изоощренных технических средств, обслуживаемых высокооплачиваемыми специалистами. Традиционные каналы развития празднично-игровой культуры настолько заброшены, что они уже мало влияют на стихию детских игр, и среди подростков, например, каж-

дая третья из стихийных вольных игр является сомнительной, а то и прямо вредной в воспитательном отношении⁸. Кризисным является состояние всей празднично-игровой культуры, что связано с общим кризисом фольклорного творчества и современного социума в целом⁹.

Однако положение могло стать еще более тяжелым, не будь у игровой культуры и народной педагогики игры внутренних механизмов устойчивости и самовоспроизводства, возрождения и развития. Благодаря им около половины реально бытующих игровых форм до сих пор составляют народные и близкие к ним (имеющие не все, но большинство признаков народности) игры. Причем это — ядро, основа игровой культуры. Во-первых, они проводятся не один или несколько раз в год, как школьные или централизованно организуемые игры, а многие десятки раз: вспомним о салках, прятках, классиках, играх с мячом, шашках, загадках и т. д. Во-вторых, их закупают и проводят сами участники, а самостоятельность и творческая активность наиболее социально и педагогически ценны. В-третьих, помимо собственных игр народная педагогика игры осваивает лучшие из вновь появляющихся, распространяя на них свои способы и направленность применения, свое отношение к игре. Они закрепляются и развиваются через механизмы традиций, естественной распределенности ролей и т.д.

Однако разрушаются и сами механизмы воспроизводства народных игр, их главные опоры — трехпоколенная многодетная семья и вековые традиции общинности. Одно из коварных назначений массовой культуры — замена «власти» национальных, общинных, семейных традиций беспредельной «свободой» индивидуального выбора, а точнее сказать — «стадностью», направляемой рекламой и другими отлаженными рычагами коммерции.

Отсюда закономерно появление нарастающего движения за сохранение самобытности традиционных национально-региональных культур, включая народную педагогику игры. Это стало одним из характерных признаков современности и уже едва ли не модой, чему активно содействуют те же средства массовой информации, что внедряют массовую культуру.

И тут одно из самых опасных для судьбы народной культуры противоречие: массовая (анти)культура имеет много внешних признаков фольклора, является в сущности мимикрирующим под него псевдофольклором¹⁰. Наибольшую опасность для подлинно народной культуры, и народной пе-

дагогике игры в частности, представляют ловкие подделки под нее, тиражируемые, рекламируемые, внедряемые всей мощью средств коммерческой культуры. Больше всего видеть повсеместное распространение сошедших с экранов суррогатов «народных» игр и праздников, извращенных с профессиональной сноровкой и с убеждением в необходимости по-своему трактуемой «модернизации».

К сожалению, подобные примеры заразительны и для части подрастающего поколения, что ведет к произвольным и бессмысленным искажениям многих традиционных игр, способов их проведения в среде самих же играющих и, вроде бы, по их же собственному желанию. Отличить разумную меру обновления от вошедших в моду приемов извращения не всегда по силам не только детям, но порой и профессиональным педагогам.

В результате, к настоящему времени нечасто встречаются явления народной педагогики игры в их чистом классическом виде. Преобладают разные стадии перехода к модернизированным формам, уже не входящим в народную педагогику игры. Возродить их в полном своем качестве и количестве почти так же трудно, как явления вовсе забытые, архаичные, зато привлекательные для современной молодежи «новизной хорошо забытого старого». И все же практика доказывает возможность и того и другого. Ширится движение за возрождение национальных традиций празднично-игровой культуры. Но не всегда здесь соблюдается научный подход в определении и использовании даже основных понятий и принципов.

Можно ли, например, сводить игровую традицию к ее объекту — самой игре, игрушке и т.д.? При возрождении полузабытой игры «Свайка» чертеж игрового снаряжения (самой свайки и кольца, в которое надо ею попасть) нам подарил археолог Б.А. Колчин, позу играющего изучали по статуе перед Александровским дворцом Царского Села, приемы метания свайки выясняли в экспедициях по всей стране. Наконец, смогли сами играть и демонстрировать игру на этнографических слетах, семинарах, праздниках, при съемках фильмов. Игра вернулась в жизнь, возрождена как игровое явление, но возрождено ли ее бытование (естественное и самостоятельное воспроизводство в повседневном быту) и тем более традиционное бытование (устойчивая передача игры от поколений к поколениям)? Считаем, что нет. Вот «Лапта» после многолетних усилий снова возвращена нами к уровню бытования, но и

тут об устойчивой традиционности бытования не дает основания говорить даже наш тридцатилетний опыт.

Зато внушает надежду выявление и использование самих механизмов возрождения¹¹. В ходе практических рекомендаций и возрождения десятков игр, праздников, а главное — способов их воспроизводства в народной педагогике игры обнаружилось, что структуры возрождения явлений игры в основе своей совпадают со структурами самих этих явлений. Поэтому восстанавливать требуется не только непосредственно игровые действия, но и все структурные детали (само)организации и (само)руководства. Среди непеременимых условий — выработка критериев отбора: какие именно игровые традиции важно возродить в первую очередь, а какие не заслуживают этого. В основу положены специально разработанные нами критерии оценки игровых явлений¹², дополненные с учетом степени сохранности явления и его известности участникам возрождения. Последнее важно также для методики применения народной педагогики игры в учебно-воспитательном процессе.

Примечания

¹ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974.

² Григорьев В.М. Народная педагогика игры // Вопросы методологии и теории. Ч. I—II. М., 1996.

³ Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

⁴ Мир детства и традиционная культура / Сост. В.М. Григорьев, М.А. Мухлынин. М., 1990 (см. также последующие издания материалов Виноградовских чтений, подробная библиография которых опубликована недавно: Георгий Семенович Виноградов и Виноградовские чтения: Библиографический указатель / Сост., отв. ред. В.Ф. Шевченко. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998).

⁵ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. М., 1988. — С. 4 и др.

⁶ Игры народов СССР / Сост. Л.В. Былсева, В.М. Григорьев. М., 1985.

⁷ Григорьев В.М. Народные игры и традиции в России. М., 1991. Изд. 2-е, доп. М., 1994.

⁸ Там же. — С. 39.

⁹ Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. М., 1993. — С. 10—13, 43, 44, 53—72 и др.

¹⁰ Там же. — С. 120—124.

¹¹ Там же. — С. 103—124.

¹² Методика собирания и изучения народных игр / Автор-составитель В.М. Григорьев. Изд. 2-е, доп. М., 1992. — С. 23—27.